

КУЛЬТУРА
ДРЕВНЕЙ
РУСИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО • НАУКА •
МОСКВА • 1966

Принцип ансамбля в древнерусской эстетике

В своих работах Н. Н. Воронин неоднократно говорит об устремленности древнерусских зодчих к передаче чувства величественного, чувства превосходства бога, церкви и князя над рядовым зрителем. Вот, например, что пишет Н. Н. Воронин о Суздальском соборе: «Суздальский собор, поднявший свои полосатые каменно-кирпичные стены на огромную высоту над землей, над которой едва выступали дерновые кровли жилищ рядового городского люда, весомо и зримо утверждал идею могущества создавшего его князя и ничтожество и бессилие его подданных. Самый факт постройки столь огромного здания, вероятно, воспринимался как своего рода чудо, облакавшее князя ореолом сверхъестественного. Не нужно было ничего читать, чтобы от одного взгляда на этот величественный собор мысль простого человека была подавлена «под тяжестью массы» и испытала «чувство благоговения». Уже этим первичным впечатлением от монументального здания закреплялось сознание огромной социальной дистанции, отделявшей господ от подданных. Эта же идея воплощалась во внутреннем пространстве храма, в наличии характерных для этой поры хор, где над головой вошедшего в собор незримо пребывали князь и его приближенные. Сам интерьер храма с его четкой организованностью, строгими линиями, огромностью пространства, пронизанного светом из окон и сиянием хоросов и паникадил, с богатством утвари и цветным ковром росписей — все это являло трудно передаваемый контраст с бесформенностью, теснотой и мраком закопченных дымом очага жилищ горожан, — жилищ, и внутренне и внешне похожих на могилы»¹.

Все, что пишет здесь Н. Н. Воронин, находит точное подтверждение в основном эстетическом кодексе древнеславянских литератур — «Шестоднев» Иоанна экзарха Болгарского, откуда черпали свои эстетические идеалы древнерусские читатели и значение которого еще недостаточно определено в научной литературе. В начале главы, посвященной дню шестому, мы находим такое описание эстетического впечатления, производимого архитектурой: «Яко же смръдь и ниць челоуѣкъ и страненъ, пришедъ издалече къ прѣворамъ кнежю двору, и видивъ е дивитсе, и пристоупивъ къ вратомъ, чюдитъ се, въпраша, и етръ въшедъ, видитъ на обѣ странѣ храмы стояще оукрашены каменемъ и дрѣвомъ испьсаны и прочее. Въ дворьць въшедъ и оузрѣвъ полаты высоки и церкви издобрены безгода каменемъ и дрѣвомъ и шаромъ изоутри же мраморомъ и мѣдию, сребром и златомъ, таче не вѣды — чесомъ приложити ихъ, не бо есть видѣль на своей земли того, развѣ хызы сламны. Оубогъ ти яко и погоубивъ си оумъ, чюдитъ се имъ тоу, нъ аще се прилоучитъ емоу и кнеза видѣти, сѣдеща въ срацѣ бисеромъ покыданѣ, гривноу цетавоу на выи носеща и оброучи на роукоу, поясомъ вълърмитомъ поясана и мьчь златъ при бедрѣ висещъ и оба полы его болѣры сѣдеше в златахъ гривнахъ и поясѣхъ и оброучьхъ. Ти аще его кто въпрашаесть възвращьша се на свою землю, реку «что видѣ тамо», речеть: «невѣдѣ како възповѣдати того, свои бѣ бисте очи оумѣлѣ достоинѣ чюдити се красотѣ; тако же и азъ не могоу достоинѣ тое доброты и чина сказати, нъ самъ къждо васъ очима плѣтѣныма виде и оумомъ бесплѣтнымъ размышлѣя, паче се можетъ извѣстнѣе чюдити — свои бо очи никомоу ж не лѣжете...»²

Действительно, искусство Византии, восточных и южных славян стремилось прежде всего поразить зрителя, читателя или слушателя величию, торжественностью, воздействовать на воображение рядового человека, создав чувство дистанции между ним, богом и князем. Произведения зодчества должны были контрастировать с обыденной застройкой, «слабыми» хижинами смердов в сельской местности, окружающими жилищами ремесленников в городе, окружающей природой. Искусство должно было контрастировать с обыденной жизнью как таковой. То же самое видим мы и в литературе. Произведения литературы должны были выделяться среди обычной, деловой письменности языком (церковнославянским), стилем (витийственным), возвышенностью и «этикетностью», церемониальностью изображения. Изображение величия бога, церкви, княжеской власти — вот одна из основных целей средневекового искусства.

Все этому способствовала одна черта средневекового искусства, свойственная всем его видам и особенно подчеркнутая в приведенной выше цитате из «Шестоднева» в отношении зодчества, — стремление к созданию больших ансамблей. Архитекторы заботились о создании парадных въездов в город, мыслили градостроительными масштабами, подчиняли свои постройки широким градостроительным идеям. В Киеве зодчие Ярослава Мудрого создали ансамбль въезда, тянувшийся от Золотых ворот и до Софии и Десятинной церкви (очевидно, для того же смерда, о котором пишет и Иоанн экзарх, или для послов, войска, церковных профессий). Такой же ансамбль был создан во Владимире от Золотых ворот до Успенского собора. Как это прекрасно показано Н. Н. Ворониным, градостроительный ансамбль Владимира начинался далеко за пределами самого Владимира — у церкви Покрова, встречавшей плывущего во Владимир³. В приведенной цитате Иоанн экзарх описывает, как разворачивается перед рядовым зрителем анфилада строений, как подходит он ко двору, входит в ворота, видит по обе стороны стоящие храмы, входит во дворец, в его высокие палаты и церкви, украшенные камнем, деревом, красками («шаром»), золотом и серебром, как он видит, наконец, и самого князя, окруженного придворными, в драгоценных, пышных одеждах. Князь и его окружение в их сверкающих одеждах, золотых гривнах, поясах и обручах на руках служили как бы заключительным аккордом этой архитектурной композиции.

По существу тот же ансамблевый характер носило и изобразительное искусство. Иконы собирались в ансамбли, в ансамбли же объединялись фресковые изображения. То и другое смотрелось не с неподвижных точек зрения, а как бы в движении. Архитектура и живопись были обращены к идущему или окидывающему взором все пространство вокруг себя зрителя. Это отчетливо подтверждается приведенным текстом «Шестоднева», где ансамбль дворца описан с точки зрения входящего в него смерда, постепенно в своем движении поражаемого все большим и большим величием.

Тот же эстетический принцип сказывается и в литературе. Произведения группировались в громадные ансамбли: летописи, хронографы, четьи-минеи, патерики, прологи, разного вида палеи, разного вида сборники устойчивого содержания⁴. Переходя от произведения к произведению, от одной его части к другой, написанной в другом жанре и стиле, читатель как бы следовал по некоей пышной анфиладе, бесконечно углубляясь в ритмическое чередование ее частей или отдельных полусамостоятельных произведений, долженствовавших поразить его мудростью мироустройства, мудростью совершающегося в мире, внушить ему мысль о бренности его земного существования. В житии святого автор внушает читателю в предисловии мысль о невыразимости всей святости святого, затем ведет его в строго хронологическом порядке по всем ступеням его совершенствования; после заключительной похвалы святому автор описывает в отдельных частях его посмертные чудеса и заканчивает сообщением текста служб и молитв святому. Все эти части разнотильны и разножанровы, иногда принадлежат различным авторам и даже написаны в различные

эпохи, но все они объединены в единый ансамбль и подчинены единой задаче прославить святого, внушить молитвенное настроение читателю.

Ансамблевый характер житий был подчеркнут В. О. Ключевским: «Житие — это целое архитектурное сооружение, напоминающее некоторыми деталями архитектурную постройку»¹. Произведения древнерусской литературы как бы «наращивались» произведениями других жанров и других эпох. При этом создавалась структура, в которой различные художественные стили и методы афиладно сменяли друг друга, выступали массивами, сосуществовали друг с другом, соединяясь на основе контрастов. Общие эстетические принципы охватывали в древней Руси и литературу и зодчество.

Приведенная выше цитата из «Шестоднева», которым древнерусские читатели пользовались как своего рода образцом и руководством для своего эстетического понимания окружающего, подтверждает эти наблюдения, блестяще сделанные Н. Н. Ворониным на материале древнерусской архитектуры.

---

¹ Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков, т. I, XII столетие. М., 1961, стр. 49—50.

² «Шестоднев, составленный Иоанном ексархом болгарским. По харатейному списку Московской Синодальной библиотеки 1263 года». М., 1879, стр. рче об. и рчс.

³ Н. Н. Воронин пишет: «Храм Покрова являлся как бы «архитектурным предисловием», за которым открывался белокаменный ансамбль Боголюбовского замка и далее — стольного Владимира. Широта архитектурной мысли вла-

димирского князя и его зодчих была сродни замыслам великого новгородского мастера Петра, создавшего на подступах к Новгороду соборы Антониева и Юрьева монастырей» (Н. Н. Воронин. Указ. соч., т. I, стр. 299).

⁴ См. подробнее: Д. С. Лихачев. Система литературных жанров древней Руси. «V Международный съезд славистов (София, сентябрь 1963 г.). Доклады советской делегации». М., 1963.

⁵ В. О. Ключевский. Курс русской истории, т. II. М., 1908, стр. 321.